

М. Б. Пиотровский¹

ДВА МУЗЕЯ И ДВЕ ПЛОЩАДИ

Иракский музей в Багдаде и Египетский музей в Каире — два очень поучительных символа и две похожие и непохожие истории. Они еще раз показали, что всякие массовые события, когда они происходят около музеев, смертельно для них опасны, будь это сражения двух армий или борьба народа с властями.

Музеи надо беречь. И не только потому, что они хранят ценные вещи, но и потому, что они хранят ДНК нации и человечества. Изменения в этом, казалось бы, мертвом прошлом сказываются на нашем сегодняшнем и будущем. Они активно участвуют в диалоге культур — горизонтально, вертикально, на всех уровнях и в самых острых ситуациях.

История с Иракским музеем — это диалог культур внутри Ирака и сегодняшний диалог Запада и Востока и «разновременных Востоков» между собой. Музей был разграблен во время вторжения американской армии в Багдад. Американцы вели по нему огонь, а затем оставили без прикрытия и охраны. Музей стал добычей разных категорий мародеров. Мир справедливо воспринял пренебрежение оккупантов своими естественными обязанностями как проявление культурного небрежения. В Европе американцы так не поступали.

Поднялся большой шум из взаимных обвинений и оправданий. Со временем выяснилось, что иракские власти и тут, как во многом другом, не были идиотами, какими их любят представлять. Самые ценные экспонаты были спрятаны в других местах, хотя и там пострадали в результате боев. Международный розыск позволил вернуть немало исчезнувших экспонатов, и расследования продолжаются. Продолжается также и небывалый по размаху организованный грабеж собственно археологических памятников и бандитские раскопки на них. Международное сообщество в лице ЮНЕСКО поспешило помочь консультациями, особенно там, где все тихо, — в Курдистане. Несколько залов Иракского музея торжественно показали избранной публике, но потом закрыли. Проблема находится на периферии забот как оккупационной администрации, так и иракских властей.

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии художеств, директор Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, профессор. Автор более 250 научных работ, в т. ч. книг: «О мусульманском искусстве», «Исторические предания в Коране», «Коранические сказания», «Сверхмузей в эпоху крушения империи (музей как фактор эволюции)», «Мусульманское искусство: между Китаем и Европой», «Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле», «Южная Аравия в раннее Средневековье. Становление средневекового общества», «Взгляд из Эрмитажа» и др. Заместитель председателя Совета по культуре и искусству при Президенте РФ, председатель Конгресса петербургской интеллигенции. Председатель Союза музеев России, главный редактор журнала «Христианский Восток». Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» III, IV степеней, многочисленными зарубежными орденами. Лауреат премии Президента РФ в области культуры и искусства.

Один из американских следователей по этому делу опубликовал прекрасную книгу «Багдадские воры»² — образец ангажированного анализа, согласно которому почти во всем виноваты сами иракцы. Они оборудовали в музее огневую точку, не попросили помощи, плохо хранили экспонаты, не вели должного учета, не защищали музей и т. д. В книге выделено несколько категорий мародеров, которые складываются в полезную и для других таких случаев типологию музейных грабителей. Среди них, конечно, люди, имевшие отношение к музею, знавшие, где и что можно взять. Далее — толпа с улицы: она ищет золото и не различает, где подлинники или копии. В Багдаде ужасный разгром был учинен гипсовым копиям древних статуй. Кое-что попало и в руки американских военных. За ними появились знающие антикварный рынок местные добытчики. Потом — умелые воры, исполнявшие заказ и знавшие, что и где надо брать, чтобы не осталось явных следов. Увы, эту типологию мы можем проследить и в Каире.

Иракский музей был не только хранителем истории, но и символом единства Ирака как страны, образованной относительно недавно. В нем демонстрировались вместе памятники доисламской и мусульманской истории, памятники шумеров, вавилонян, ассирийцев, персов, арабов, курдов. Идеология иракской БААС эволюционировала от чистого арабизма к апелляции ко всему иракскому историческому наследию. Память о великих победах Ассирии и Вавилона часто воспринималась так же живо, как победы и достижения мусульманской цивилизации. Тем не менее арабизм и ислам оказались вершиной всех этих достижений. Музей был зрительным и осознанно созданным символом горизонтального и вертикального единства Ирака с особым упором на древнюю историю. Как можно судить по некоторым отрывочным сведениям, доходящим из сегодняшнего Ирака, там все больше начинает звучать «шиитский» подход, для которого вавилонские и ассирийские корни — вредное ничто, а древние памятники — не предмет для гордости.

В зрительной и зрительской памяти об американском вторжении в Ирак особое место занимает кадр сокрушения иракцами статуи Саддама Хусейна. Свергают портрет ненавистного тирана, уничтожают злого идола. Мотив идолоборчества крайне важен для ислама, как изначально, так и сегодняшнего. Площадь эта — в центре Багдада и называется Фирдаус (рай). Рядом находится гостиница «Палестина», в которой жило большинство журналистов, приехавших в военный Багдад. Именно они составляли основную часть толпы, находившейся на площади. Были там и американские военные, в том числе и пропагандистские подразделения. Американцы помогли стащить статую с пьедестала. Получился исторический кадр, ставший символом победы. Как и другие знаменитые символы (взятие Рейхста-

² Bogdanos M. Thieves of Baghdad. N. Y., 2005.

га, флаг над Иводзимой), эта картинка достоверна, хотя и ориентирована на зрителя, в данном случае — телевизионного.

Телевизионная же стилистика была одним из «организаторов» действия на другой площади — Тахрир (Освобождение) в Каире. Это — сердце города. Там находится штаб-квартира правящей партии, МИД, отель «Хилтон», Лига арабских государств, знаменитые исторические кафе и главное — знаменитый Египетский музей. Своим содержанием, корнями и архитектурой он является символом гордости доисламским фараоническим прошлым. Он символ Египта XX века. Египетский музей возник много раньше Иракского и посвящен он (как и его строящиеся грандиозные здания в Гизе) только Древнему Египту. Для христианского Египта есть Коптский музей, для мусульманского — Исламский.

Музей оказался в центре многодневного митинга, бушевавшего на Тахрире в январе 2011 года. В бурную ночь 25 января, когда горела штаб-квартира Национально-демократической партии, в музей проникли мародеры. Как и в Багдаде, не обошлось без помощи обслуживающего персонала музея. Как и в Багдаде, воры накинулись сначала на реплики и копии. Как и в Багдаде, они не добрались до главных хранилищ. В гневе воры поломали несколько фигурок и оторвали головы двум мумиям. Но, в отличие от Багдада, их быстро поймали и выдворили из музея. Демонстранты создали у входов в музей живую стену и защищали его до тех пор, пока их не сменили войска, твердо стоявшие у музея все последние дни. Опытных «антикваров» к древностям не подпустили. К счастью, пропало немного экспонатов, большая часть которых сразу же была найдена. Под охрану были взяты также археологические памятники и хранилища по всему Египту. Там, правда, потери были много больше.

И все-таки демонстранты были правы — это не Багдад! На Тахрире не скидывали статую, но над все-

ми событиями витал образ «идола» президента Мубарака — нового фараона. В Египте слово «фараон» имеет два эмоциональных оттенка. С одной стороны, это — символ могучего Древнего Египта, его прошлой и возрождаемой мощи и славы. Таковыми ощущали себя Насер, Садат и, конечно, Мубарак. Его манера двигаться и стоять вполне соответствует древнеегипетской стилистике. Египетский музей, Каирский университет — образцы той же стилистики и символики. С другой стороны, фараонами их называли и их враги, сторонники массовых исламских движений. В Коране, как и в Ветхом Завете, Фараон — злодей и тиран, угнетавший народ Моисея и преследовавший его до Красного моря. Коранический фараон — символ высочайшей гордыни, великого греха для мусульманина. Таким фараоном стал Мубарак в глазах египтян. Такому фараону они кричали «ирхал» — уходи. И он ушел. Ушла ли с ним фараоническая мечта — посмотрим. Кстати говоря, коранический фараон утонул в Красном море, но потом его тело было выброшено на берег — это как бы возможность для покаяния. В музейном налете тоже есть идолоборческий аспект. В англоязычных блогах в связи с ограблением Египетского музея я читал фанатичные сентенции о том, что так и нужно делать — надо выбросить вон и уничтожить все языческое наследие.

Все эти недавние события современной ближневосточной истории происходили вокруг музеев, и музейная знаковость и символика указывают нам на то, что внешние и внутренние перевороты вернули обратно некоторые страницы. Египет вернулся к тираноборчеству 1950-х годов, когда армия делила победу над королем-фараоном с братьями-мусульманами. В Ираке шиитские имамы заменяют в качестве героев ассирийских царей. А в Ливии и вовсе старое королевское знамя суфийского ордена сенуситов заменило собой зеленое исламское знамя светско-религиозной джамахирии.

Политический диалог культур начинается снова.